

АВТОГРАФ ТОЛСТОГО

Год назад, 6 декабря 1989 года, в «Вечерней Москве» был опубликован первый материал новой рубрики «Из записной книжки старого вечерочника» — о трех великих артистах Малого театра — В. Рыжовой, Е. Турчаниновой и Н. Яковлеве. За год рубрика вобрала в себя 18 материалов. Их автор В. Шевцов рассказал читателям «ВМ» о встречах с выдающимися деятелями русского искусства и литературы — замечательными актерами В. Качаловым и В. Марецкой, режиссерами А. Поповым и Р. Симоновым,

художниками В. Бакшеевым и К. Юоном, писателями Т. Щепкиной-Куперник и С. Маршакom и многими другими, как ушедшими от нас, так и ныне здравствующими земляками.

Сегодня мы расскажем в рубрике «Из записной книжки старого вечерочника» о Николае Николаевиче Гусеве — авторе свыше ста научных и литературных работ, посвященных Л. Н. Толстому, 80-летие со дня смерти которого на днях отметила литературная общественность Москвы.

Передо мною записная книжка, датированная 1941—1942 годами... Холодная зима первого военного года. Болезнь не позволила быть мне на фронте. Я окончил Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина.

Замечательные профессора, те немногие, которые остались тогда в Москве, в нетопленных промерзлых аудиториях читали нам лекции, вели семинары.

Но вернемся на Пироговскую, пройдем в МГПИ имени Ленина... Суровый октябрь 1941 года. Холодно. Студенты сидят в пальто, подняв воротники. На кафедре — седой профессор. С затаенным вниманием слушаем мы рассказ о том, как Лев Николаевич Толстой писал знаменитую статью «Не могу молчать». Заканчивая лекцию, профессор, а это был Николай Николаевич Гусев, сказал: «Эту статью Льва Николаевича мне довелось пере- диктовать на машинку».

Трудно было представить, что этот старый, седой профессор в легоньком демисезонном пальто знал, общался на протяжении двух лет с великим Толстым.

Толстовские семинары Гусева не могли, несмотря ни на какие невгоды, не волновать нас, студентов, они вызвали огромный интерес. Да, этот человек ежедневно в течение двух лет видел Толстого, вел с ним долгие беседы, был свидетелем того, как работал Лев Николаевич, помогал ему в его великом литературном труде...

И вот в марте 1957 года, спустя шестнадцать лет после институтских семинаров, репортерский поиск «ВМ» привел меня к Николаю Николаевичу. Жил он на Кропоткинской, во дворе музея писателя.

Я застал Гусева за письменным столом. Он рассказал мне, что несколько лет назад вышел первый том написанной им биографии Толстого, в производстве находится второй том, а я его застал за работой над третьим, который должен осветить жизнь и творчество Толстого в 70—80-е годы.

● Профессор Н. Н. Гусев.

— Мне предстоит, — говорил профессор, — рассказать о том, как создавались «Анна Каренина», «Крейцера соната», «Власть тьмы», «Плоды просвещения».

По замыслу автора биография Толстого должна была состоять из четырех томов. Но... В 1967 году после тяжелой болезни, в возрасте 86 лет Гусев умер.

...В кабинете хозяина мое внимание привлек висевший на стене в простой деревянной рамке портрет Толстого с надписью: «Милому Гусеву от любящего его друга Льва Толстого. 25 окт. 1910».

— Этот портрет, — сказал Ни-

колай Николаевич, — всегда со мною вот уже 47 лет. Обстоятельства, при которых я получил его, небезынтересны.

Впервые Гусев встретился с Л. Н. Толстым в 1903 году. Николай Николаевич, тогда молодой учитель, преподавал в Рязани. Он страстным почитателем гения того. Однажды Гусев отправился из Рязани в Ясную Поляну, чтобы увидеть великого писателя и получить от него ответы на волновавшие его вопросы. Лев Николаевич охотно принял молодого учителя и долго беседовал с ним. А через четыре года Гусев стал первым секретарем Толстого.

● Автограф Л. Н. Толстого.

В функции Николая Николаевича входили разбор писем, предварительный прием посетителей, диктовка рукописей. В Ясной Поляне Гусев встречался с И. Е. Репиным, И. И. Мечниковым, С. И. Танеевым.

— Разве можно забыть, — рассказывал Николай Николаевич, — беседы Толстого с Мечниковым о русской науке, искусстве, их горячие споры о гетевском «Фаусте»! А вечера, проведенные с Танеевым! Лев Николаевич особенно любил слушать произведения Шопена, которые замечательно играл Танеев. «Шопен в музыке, — говорил Толстой, — то же, что Пушкин в поэзии».

— А вот теперь, — сказал профессор, — я расскажу вам историю этой толстовской фотографии. В 1909 году за распространение запрещенных книг Толстого я был арестован и сослан в Пермскую губернию. В один из дней ссылки получаю из Ясной Поляны от Льва Николаевича письмо. Открываю конверт и вижу вот эту фотографию, на которой рукой Толстого написано... Обратите внимание на дату, поставленную на фотографии, — 25 октября 1910 года. Через три дня Толстой ушел из Ясной Поляны.

— Один из ссыльных, — продолжал Гусев, — узнав, что я получил фотографию Толстого, сделал для нее рамку. Она и сейчас обрамляет портрет Льва Николаевича...

И в заключение я хочу познакомить читателей с хранящимся у меня пригласительным билетом, гласящим, что 21 марта 1957 года научная общественность столицы отметит 75-летие со дня рождения и 50-летие творческой деятельности человека, который посвятил всю свою жизнь изучению творчества гениального сына русского народа.

На этом юбилейном вечере я был.

В. ШЕВЦОВ.